

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ДЕПУТАТСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

К.А. Соловьев

Кафедра истории России нового времени
Историко-архивный институт
Российский государственный гуманитарный университет
Никольская ул., 15, Москва, Россия, 109012

В статье рассматривается проблема дисциплины депутатов Государственной Думы Российской Империи: степень их вовлеченности в законотворческий процесс, пропуски пленарных и комиссионных заседаний нижней палаты. Анализируется влияние депутатской дисциплины на характер законодательных работ Государственной Думы. Делается вывод, что думский абсентизм во многом определял функционирование представительного учреждения.

Ключевые слова: Государственная Дума, комиссии Думы, депутаты, дисциплина депутатов.

Дискуссия о представительном строе в России в 1906–1917 гг. обычно сводится к спору о нескольких хорошо известных законодательных актах: о Манифесте 17 октября 1905 г., Учреждениях Думы и Государственного совета, Основных государственных законах 23 апреля 1906 г. (1). При этом чаще всего упускается из виду, что любая система – это не только правила, но и люди, которые их выполняют или игнорируют. У участников политического процесса есть свои привычки, образ мышления, алгоритмы поведения. Им свойственна особая политическая культура, определяющая неписанные правила игры. Применительно же к истории представительных учреждений в России в начале XX в. встает вопрос о качестве депутатского корпуса, его способности к конструктивной законотворческой работе.

Анализ состава Думы традиционно предполагает учет возраста, национальности, вероисповедания, сословной и, прежде всего, фракционной принадлежности депутатов (2). На основе этой информации делаются выводы об эво-

люции представительной власти в России или же смене политического курса. В современной историографии все чаще ставится вопрос о региональном (3), этноконфессиональном своеобразии народных избранников (4), о фракционной солидарности (5), поведенческих характеристиках отдельных законодателей (6). При этом обычно упускается из виду: сколько депутатов обычно присутствовало на заседаниях нижней палаты, а чье присутствие никто не замечал?

Естественно, степень вовлеченности членов Думы в законотворческий процесс была разной. Одни думцы беспрестанно выступали с трибуны Таврического дворца. Другие же – упорно молчали. Так, за годы работы III Думы 1 депутат из фракции правых 374 раза выступал на пленарных заседаниях, 1 член прогрессивной группы – 324 раза, от 251 до 300 раз выступали 2 депутата, от 201 до 250 – 3, от 151 до 200 – 7, от 101–150 – 11, от 51 до 100 – 48, от 26 до 50 – 54, от 11 до 25 – 78, от 4 до 10 – 92, 3 раза – 22 депутата, 1 – 48 народных избранников. 93 депутата (т.е. 21% всего депутатского корпуса) ни разу не выступали на пленарном заседании (среди них 8 правых, 22 националиста, 5 независимых националистов, 42 октябриста, 1 член мусульманской фракции, 1 представитель польско-литовско-белорусской группы и польского кола, 6 прогрессистов, 4 кадет, 1 трудовик, 3 беспартийных) (7). За I сессию III Думы было произнесено 507 речей. Больше всех говорил П.Н. Крупенский: 27 раз, В.А. Бобринский – 26 раз, М.В. Родзянко – 19, Н.Е. Марков – 18, В.М. Пуришкевич – 17, А.А. Уваров – 14, А.А. Бобринский – 13, П.Н. Милюков – 10 (8). Иными словами, 8 депутатов произнесли 30% всех речей.

Аналогичным образом дело обстояло и в каждой отдельной фракции.

Безудержная активность лидеров «компенсировала» предельную пассивность большинства. Так, к февралю 1909 г. из 51 члена фракции кадетов 21 вовсе не выступали, 12 сделали те или иные незначительные ремарки в ходе думских обсуждений и лишь 11 активно участвовали в дискуссиях. Из 25 прогрессистов 15 не выступали, 4 сделали случайные замечания и лишь двое (Н.Н. Львов и И.В. Титов) произнесли значимые речи (9).

Еще более показательна информация о докладчиках в III Думе. Один октябрист выступал с докладом 171 раз. От 81 до 120 раз выступали 4 депутата, от 41 до 80 – 10, от 21 до 40 – 25, от 11 до 20 – 28, от 6 до 10 – 33, от 3 до 5 – 53, 2 раза – 33 депутата, 1 раз – 39.

261 депутат ни разу не выступали с докладами (из них 36 правых, 49 националистов, 5 независимых националистов, 2 правых октябриста, 47 октябристов, 14 представителей польско-литовско-белорусской группы и польского кола, 6 членов мусульманской фракции, 25 прогрессистов, 32 кадет, 11 трудовиков, 15 социал-демократов, 19 беспартийных).

Иными словами, 15 депутатов представили значительную часть всех думских докладов. За время работы III Государственной Думы члены фракции октябристов сделали 1882 доклада, националисты – 341 доклад, кадеты – 150, правые – 141, члены польско-литовско-белорусской группы и

польского кола – 85, правые октябристы – 60, прогрессисты – 55, представители мусульманской фракции – 10, трудовики – 9, беспартийные – 12. Члены социал-демократической фракции не выступали с докладами на пленарных заседаниях Думы (10). Этот фракционный «перекос» во многом объясняется тем, что в руководстве комиссий нижней палаты были исключительно представители думского большинства, которые и брали на себя подготовку докладов к законопроектам.

И все же многие народные избранники нередко «молчали» по причине своего элементарного отсутствия. При этом, имея в виду лишь официально учтенные сведения, было бы явным преувеличением утверждать, что депутаты Думы отличались особой недисциплинированностью. Так, во II сессию III Думы в среднем депутат пропускал около 13,2% всех пленарных заседаний. Меньше всего заседаний пропускали малочисленные социал-демократы (3,55%). Больше всех – беспартийные (33,33%), по определению лишенные фракционного руководства. Часто отсутствовали прогрессисты (18,38%), представлявшие чрезвычайно «рыхлое» образование, лишенное единого организационного центра (11). Однако чаще всего число пропусков колебалось около средних показателей: 8,57% у трудовиков, 9,12% у мусульманской группы, 10,38% у «Союза 17 октября», 12,03% у националистов и умеренно-правых, 12,29% у кадетов, 12,36% у польско-литовской-белорусской группы, 13,26% у правых, 13,7% у польского кола. При этом злостных нарушителей дисциплины более всего было среди националистов и октябристов. 24 члена фракции националистов и умеренно-правых, 23 представителя «Союза 17 октября», 12 прогрессистов (из 36 входивших во фракцию), 10 правых (из 49), 9 кадетов (из 53) пропустили более 25 заседаний. Всего таких депутатов было 83 депутата. В свою очередь, 8 депутатов не пропустили ни одного заседания (12).

Таким образом, думский «абсентизм» лишь в малой степени зависел от фракционной принадлежности. От него страдали все депутатские объединения и практически в одинаковой мере.

Аналогичным образом складывалась ситуация и в III сессию. В среднем депутаты пропускали 13,8% всех пленарных заседаний. Самыми дисциплинированными были трудовики: их процент составлял 8,83%. Более всех вновь пропускали прогрессисты (20,74%), чуть меньше – правые и октябристы – 18,18%, которые постепенно утрачивали контроль над своими многочисленными фракциями. При этом депутатов, пропустивших более 25 заседаний, больше всего было среди октябристов – 35 и националистов 33. Всего таких народных избранников было 131 чел. Не пропустивших ни одного заседания – 27: опять же больше всего среди октябристов – 9 и националистов – 5 (13). Соответственно, наибольшую сумму штрафов за пропущенные заседания без уважительной причины заплатили националисты (2975 руб.), прогрессисты (2375 руб.), октябристы (2075 руб.). Общая сумма штрафов составила 9125 руб. (14).

В IV сессию количество заседаний, пропущенных депутатами, несколько сократилось. Теперь в среднем член Государственной Думы пропускал 12,8% заседаний. Меньше всех пропускали социал-демократы (3,41%), трудовики (7,02%), представители мусульманской фракции (9,14%), правые октябристы (9,29%). Больше всех пропускали прогрессисты (30,25%), беспартийные (17,23%).

Депутатов, пропустивших более 25 заседаний, было 68 чел.: больше всего среди октябристов (22), националистов (13), правых (10). Не пропустивших ни одного заседания было 17: в том числе 4 социал-демократа, 4 националиста, 3 октябриста, 3 кадет (15). В соответствии с этим наибольшую сумму штрафов заплатили прогрессисты (2125 руб.), националисты (1475 руб.), октябристы (1400 руб.). Общая сумма штрафов составила 6375 руб. (16).

В V сессию количество пропущенных заседаний заметно выросло. В преддверии скорых выборов в IV Думу депутат был озабочен своим будущим и предпочитал Таврическому дворцу родной уезд, от которого он обычно и баллотировался. В конце легислатуры в среднем депутат пропускал 16,2% всех пленарных заседаний. Меньше всех пропускали члены мусульманской группы (9,8%), трудовики (10,08%), представители польского кола (10,7%). Напротив, больше всех – прогрессисты (24,5%), беспартийные (24,5%), члены польско-литовско-белорусской группы (21,4%), октябристы (18,9%), правые (18,4%). Депутатов, пропустивших более 25 заседаний, было 207 человек: среди них 66 октябристов (из 123), 41 националист (из 93), 27 правых (из 52), 23 прогрессиста (из 39), 22 кадет (из 53). Вместе с тем 8 депутатов не пропустили ни одного заседания (17). Общая сумма штрафов составила 13 150 руб. Причем более половины всей суммы (7000 руб.) заплатили прогрессисты. 2425 руб. приходилось на октябристов, и 1575 руб. – на правых (18).

Таким образом, если не учитывать последнюю сессию, процент пропущенных депутатами заседаний не был чрезмерным, и он приблизительно одинаков для всех фракций.

Однако цифры, как часто это бывает, многое скрывают.

Количество зарегистрировавшихся народных избранников отнюдь не обязательно должно было равняться числу участников пленарных заседаний Думы. Депутат мог и не появиться в зале общих собраний или покинуть его после часа работы. Многие члены Думы подъезжали на извозчике к Таврическому дворцу, оставляли его у входа, расписывались в регистрационной книге и уезжали домой. Иногда они даже расписывались на другой день. Для этого нужно было лишь найти соответствующий список в канцелярии. В случае же поименного голосования их приходилось обзванивать по телефону и призывать явиться на заседание Думы (19). Поэтому в обычном голосовании «вставанием» участвовало 100–180 присутствовавших депутатов.

Иными словами, количество вотировавших порой с очевидностью свидетельствовало об отсутствии кворума (он должен был составлять 1/3 при-

сутствовавших, или в случае с III Думой 140 депутатов). Редко когда число голосовавших достигало 280.

В период работы III Думы максимальное число участвовавших в общем собрании было зафиксировано при перевыборах А.И. Гучкова председателем нижней палаты осенью 1910 г.: тогда голосовало 340 депутатов (20).

Особенно часто народные избранники пропускали вечерние заседания. Иногда это приводило к конфузам. Например, уже в поздние часы 25 апреля 1912 г. практически не было представителей центра и было очень мало правых. Тон задавала оппозиция. В результате председательствовавший М.В. Родзянко не решился пресечь резкие высказывания социал-демократа И.П. Покровского, не чувствуя за собой большинства. В довершение всего под конец заседания в зал явился совершенно пьяный Г.В. Скоропадский, непременно желавший выступать с трибуны. Его едва удалось отговорить. Товарищи по фракции (октябристы) предложили ему «плюнуть на Думу и уйти лучше в буфет опохмелиться» (21).

Депутаты не любили ходить на обсуждение специальных вопросов, требовавших особых знаний. Например, не вызывала у них интереса проблема чиншевого права. 22 января 1908 г. Е.Я. Кизеветтер, присутствовавшая на заседании Думы, отметила в своем дневнике, что «многие из депутатов разошлись по кулуарам, а кто остался, сидит – разговаривает» (22).

Чем ближе были каникулы – рождественские, пасхальные или летние – тем меньше было депутатов. Не дожидаясь начала «ваканта», они разъезжались по домам. Серьезные проблемы с обеспечением кворума возникали уже к середине декабря (23) или же в конце мая. Так, по сведениям служащего думской канцелярии Г.А. Алексеева, к концу мая 1914 г., т.е. приблизительно за месяц до конца сессии, отпуск взяли уже 100 депутатов (если быть более точным, 102 (24)). Алексеев предсказывал, что при сохранении такой динамики вскоре в Таврическом дворце осталась бы одна канцелярия. В ответ на это председатель Думы М.В. Родзянко приказал не выдавать отпуска. Это вызвало всеобщее возмущение среди депутатов, так что Родзянко пришлось срочно отменить свое распоряжение. В итоге уже через несколько дней, к 30 мая, среди разъехавшихся по домам было 124 народных избранника. По этой причине пленарные заседания проводились при явном отсутствии кворума и они открывались с опозданием в полчаса и более (25).

По сведениям на 30 мая 1914 г., во фракции правых отсутствовало 22 депутата, т.е. 37% членов фракции; у националистов отсутствовало 28 чел. (27%); в Партии центра – 21 (56,5%); в группе земцев-октябристов – 13 (23%); у левых октябристов – 9 депутатов (45%); в мусульманской группе – 1 чел. (17%); в польском коло – 3 (или 33%); во фракции прогрессистов – 15 (или 36%); у кадетов – 14 (25,5%); во фракции социал-демократов – 2 (16,5%); в группе независимых – 2 (15%); среди беспартийных – 6 (35%). Самыми дисциплинированными оказались мусульмане и трудовики: среди них отсутствовавших не было (26). Работники канцелярии убеждали по теле-

фону Н.А. Хомякова приехать на заседание Думы, где каждый депутат целился «на вес золота». На это бывший председатель нижней палаты отвечал: «Ну их к черту» (27).

В конце легислатуры III Думы, в мае 1912 г., кворума не было практически ни на одном заседании. Тем не менее председательствовавшие М.В. Родзянко и кн. В.М. Волконский умело маскировали этот факт. Это не удавалось другому товарищу председателя Думы М.Я. Капустину, которому приходилось время от времени прекращать заседания из-за малочисленности собравшихся (28). В этой связи Я.В. Глинка так аттестовывал Капустина: «Милый старичок, жаль мне его, но председательствовать, по моему мнению, он не может, слишком теряется» (29).

Отсутствию депутатов было множество причин. Так, значение каникул объяснялось тем, что большая часть депутатов была так или иначе связана с работами на земле. По этой причине октябристы в феврале 1912 г. доказывали необходимость продлить даже пасхальные каникулы в силу того, что сельским хозяевам надо быть на местах во время весенних полевых работ (30).

По мнению депутата от Риги С.П. Мансырева, его коллеги в большинстве своем были слишком озабочены своими частными или региональными интересами, чтобы регулярно присутствовать на пленарных заседаниях: «Большинство ограничивало свою деятельность хлопотами и ходатайствами о разнообразных, большей частью мелких нуждах своего района: какая-нибудь церковь, школа, железнодорожная ветка, а то и просьба по частному делу. Поэтому в общих собраниях и комиссионных заседаниях их почти не было видно: они являлись только тогда, когда их лидеры считали нужным мобилизовать все силы, и послушно голосовали по указке своих софракционеров. Прочее время они проводили в бесконечных посещениях разных канцелярий и министерств. А ведь таких было более четвертой части членов Думы» (31).

Кроме того, депутаты «интеллигентных профессий» часто испытывали острую нехватку средств и были вынуждены искать дополнительные заработки, что требовало и времени, и усилий. Депутат II Думы Н.И. Иорданский вспоминал, что сразу по окончании работ нижней палаты, в 7 ч вечера, он надиктовывал свои статьи редакции «Русских ведомостей» (которые писал во время пленарных заседаний). Общение с Москвой продолжалось и после 12 час. ночи, когда обычно заканчивались фракционные совещания (32). Средств не хватало и впоследствии, когда депутатам было назначено фиксированное жалование в 4800 руб. Некоторым пришлось сложить с себя депутатские полномочия. Другие не теряли надежду найти «благодетеля»: «За членами Думы не мелкого калибра была большая погоня на должности всяких директоров, членов правления в финансовых предприятиях, очень охотно принимали их в состав сотрудников редакций всяких газет» (33).

Думский абсентизм нередко предрешал исход голосования. Весной 1912 г. поляки заметили отсутствие в Думе националистов, которые заседали в своем клубе, отмечая прибытие однопартийцев из провинции. В польском коло

решили этим воспользоваться и отклонить законопроект о выделении Холмского края из Царства Польского. Членам Русской национальной фракции пришлось мчаться на извозчиках, дабы помешать осуществлению этого коварного замысла (34).

В мае 1912 г. левый октябрист И.С. Ключев был вынужден по многим вопросам голосовать вместе с правыми. Столь странное поведение объяснялось тем, что к концу сессии именно правые были в большинстве: октябристы и кадеты перестали посещать заседания. Ключев же нуждался в поддержке большинства присутствовавших при скором обсуждении своего доклада. Именно поэтому он, вопреки предложению товарища по фракции И.В. Годнева и настроению октябристов, не покинул зал заседания, когда рассматривался вопрос об ассигновании средств духовному ведомству (35).

В июне 1913 г. при обсуждении повестки дня депутаты правого и левого крыла заняли непримиримые позиции. М.В. Родзянко изучил список наличных народных избранников и пришел к выводу, что уход разъехавшихся правых не сорвет работы нижней палаты, и отказался им идти на уступки (36).

И думские комиссии депутаты посещали отнюдь не более аккуратно. Отчасти это объяснялось тем, что многие народные избранники были членами сразу нескольких комиссий. В письме от 27 апреля 1913 г. кн. С.С. Волконский признавался, что жалеет, что числится лишь в одной комиссии в то время, как многие депутаты входили сразу в 10, не посещая ни одну из них (37).

По словам Н.А. Хомякова, в III Думе 1/3 членов бюджетной комиссии вовсе не являлась на ее заседания, а 1/3 приходила от случая к случаю (38). Это касалось даже самых деятельных депутатов. Так, к февралю 1908 г. из 8 заседаний комиссии о неприкосновенности личности В.А. Маклаков посетил 3, М.С. Аджемов и Ш.Ш. Сыртланов – 2, О.Я. Пергамент – 1. Из 17 заседаний финансовой комиссии октябристы в среднем посетили 11,5, правые – 8,5, оппозиция – 6 (39).

Иными словами, коммиссионные совещания депутаты посещали едва ли не хуже пленарных заседаний. Причем это касалось даже фракционных лидеров.

Это во многом определяло своеобразие работы этих учреждений. Обычно комиссии начинали работать в одни и те же часы. Депутаты, входившие в сразу несколько комиссий, были вынуждены пропускать то или иное заседание. В итоге оно могло не состояться из-за отсутствия кворума (40). Дабы этого не случилось, присутствовавшими считались все расписавшиеся в явочном листе. Однако к моменту голосования кворума обычно уже не было. Депутатам приходилось бегать по соседним помещениям, «забирая» своих коллег с заседаний других комиссий (41).

Некоторые комиссии, чья работа отличалась особой интенсивностью (бюджетная, по местному самоуправлению и др.), порой назначали свои заседания на часы общих собраний Думы. Депутаты были вынуждены выбирать, куда идти и что пропускать. Специально для того, чтобы позволить народным избранникам проголосовать на пленарном заседании, такие комис-

сии назначали перерыв на время баллотировки (42). Многие в Думе протестовали против такой практики. В ответ А.И. Гучков и А.И. Шингарев доказывали коллегам, что такое положение хоть и нежелательно, но совершенно неизбежно (43).

Порой явочный лист не спасал положение. По сведениям И.С. Ключева, заседания комиссии по народному образованию периодически срывались из-за отсутствия кворума (44). Иногда на то были весьма «уважительные причины». В 1908 г. заседания земельной комиссии отменялись по причине дня ангела председательствовавшего (45). 24 ноября 1911 г. многие депутаты проигнорировали комиссионную работу. Это был Екатеринин день, и «далеко не все готовы променять именины на думские дела», – констатировала жена И.С. Ключева. Большинство отсутствовавших принадлежало к либеральным фракциям, правые же все были налицо, что в итоге предопределило исход голосования (например, о судьбе школ духовного ведомства) (46). Несклонных утруждать себя депутатов приходилось уговаривать.

В марте 1908 г. А.И. Гучков обратился к членам фракции октябристов с настоятельной просьбой приходить в бюджетную комиссию, так как несколько заседаний подряд было сорвано из-за отсутствия кворума (47).

8 мая 1912 г. И.С. Ключев упрасивал явиться на вечернее заседание комиссии по народному образованию. У всех находился повод там не присутствовать. Епископ Митрофан ссылался на церковную службу. Татарин Г.Х. Еникеев говорил о том, что обсуждавшийся проект ущемлял права национальных меньшинств. Той же позиции придерживались и поляки. А.М. Масленников обещал прийти. Однако его знакомые твердо заявили Ключеву, что Масленникова не будет: «Он не сдержит своего обещания по присущей ему лени». Октябрист Д.А. Леонов ссылался на усталость, кадет М.С. Воронков – на неприятие проекта. А И.В. Годнев категорически отказался приходить из-за недостатка времени: ему надо было укладывать багаж (48). Ключев не уставал возмущаться: «Одни, как Годнев, укладываются, другие проводят вечера в клубе за карточной игрой и многие, как говорят, очень проигрались, третьи уехали в отпуск, четвертые улаживают свои делишки. Все, кто не рассчитывают попасть в следующую Думу, запасаются себе протекцией для получения тепленького местечка. Да и те, кто думает пройти на предстоящих выборах, все-таки на всякий случай заботятся об этом же» (49).

В июне 1913 г. депутаты «прогрессивного направления» не пришли на заседание бюджетной комиссии, где обсуждалась смета Министерства путей сообщений. Этим воспользовался националист Демченко, который за полчаса провел те решения, которые ранее наметил. «Благодаря этому ведомство получило в комиссии без возражений то, что совсем не ожидало при общем настоящем настроении Думы». Когда пришли депутаты от оппозиции, было уже поздно. Они были в гневе и начали «срывать свое сердце» на другом – в результате затянули комиссионное обсуждение. Из планировавшихся 20 вопросов рассмотрели лишь 8 (50).

Подобное случалось нередко. В IV Думе даже в самой дисциплинированной бюджетной комиссии часто не доставало депутатов. В итоге исход голосования был случаен, непредсказуем. Это во многом лишало смысла коммиссионную работу. На пленарное заседание сторонники и противники законопроектов, не смирившиеся со состоявшимся решением, приходили во всеоружии защищать свою точку зрения (51).

Иногда депутаты намеренно не являлись на заседание комиссии в надежде его сорвать. Так случилось в середине мая 1912 г., когда в работе бюджетной комиссии приняли лишь правые депутаты, желавшие провести кредиты на военное ведомство, противником которых был А.И. Гучков. Однако практически все октябристы и кадеты на заседание не пришли, и оно было признано несостоявшимся (52).

Низкая посещаемость заседаний комиссий влияла на обсуждение текста законопроектов. Докладчику, договаривавшемуся с каждым конкретным депутатом о его участии в заседании, приходилось учитывать самые разнообразные требования. Так, в мае 1912 г. И.С. Ключев убегдал Г.Х. Еникеева прийти на обсуждение проекта об учительских семинариях, обещая исключить из текста те положения, которые не устраивали депутатов-мусульман (53).

Даже столь незначительное по численности совещание, как Президиум Думы, страдало от недисциплинированности своих членов.

В марте 1907 г. Президиум дал задание думской канцелярии выяснить схему движения законов и запросов, так как председательствовавший Ф.А. Головин очень часто давал неверное направление делам. «Доложить результаты нашей работы нам не удалось, так как президиум в данной Думе засиживаться... не любит, и когда мы в 6 часов спустились вниз, то мы застали одного Челнокова, который заявил, что ему страшно хочется есть и что он переговорит с нами в другой раз», – писал Г.А. Алексеев (54).

Впоследствии Алексеев описывал одно из заседаний Президиума, состоявшееся в конце марта 1913 г., на котором присутствовали лишь Родзянко и Волконский. «Все остальные члены президиума оказались по комиссиям, и как мы их к себе не звали, они являлись только для того, чтобы сказать, что никак не могут принять участия в совещании. Родзянко ругался и кричал, что надо ему дать единоличную власть...» (55).

Члены нижней палаты не были дисциплинированными участниками пленарных и коммиссионных заседаний Думы. Напротив, депутатские «прогулы» становились важным фактом политической жизни страны. Они нередко приводили к неожиданному исходу голосования как на Общем собрании Думы, так и в комиссиях, состав которых зачастую оказывался случайным. Думский абсентизм ставил под сомнение и фракционную группировку депутатов. Самая многочисленная фракция, не способная мобилизовывать своих членов, на любом пленарном заседании могла оказаться в меньшинстве. Иными словами, традиционные механизмы, способные обеспечить предсказуемость законотворческого процесса, в России работали не слишком надежно.

Столь низкая дисциплина народных избранников подразумевала широкие полномочия руководства нижней палаты, которое вносило хотя бы внешний порядок в хаос депутатского законотворчества. Правительству же, учитывая думскую непредсказуемость, приходилось регулярно посещать Таврический дворец, вести переговоры со всеми фракциями (включая и оппозиционные), руководством представительного учреждения и, наконец, с отдельными наиболее влиятельными депутатами.

Таким образом, «представительный строй» 1906–1917 гг. нуждался в «ручном управлении», способном компенсировать ненадежность парламентской процедуры. Ключевая роль выпадала правительству, что предполагало в нем благожелательного партнера депутатов, поддерживавшего в постоянном движении столь мало сбалансированный законодательный механизм. В противном случае он встречал непреодолимые препятствия даже в привычках и настроениях самих депутатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. – М., 2008. – С. 433–434.
- (2) Там же. – С. 109–110, 447–448, 618–619, 676–677.
- (3) Саид-Заде С. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе. – Баку, 1991; Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной Думе Российской империи I и II созывов (1906–1907 гг.). – Харьков, 1997; Калинин Б.Ю., Родионова Ю.В., Шустрова Е.И. Нижегородцы в российском императорском парламенте // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 166–171; Салтык Г.А. Депутаты-куряне в истории российского парламентаризма // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. – СПб., 2006. – С. 115–123; Сидоренко Н.С. Уральские депутаты Государственной Думы (1906–1917 гг.) // Отечественная история. – 2006. – № 5. – С. 91–97; Тарасова И.С. Рязанский депутатский корпус в Государственной Думе I и II созывов в 1906–1907 гг. // Парламентаризм в России: Проблемы и перспективы. – СПб., 2006. – С. 124–132; Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной Думе России. – Казань, 2006. – С. 287–288; Она же. Депутаты-казанцы в Государственной Думе Российской империи: общественно-политический, образовательный и профессиональный облик // Имперские и национальные модели управления: Российский и европейский опыт. – М., 2007. – С. 471–478; Фадеев К.В. Депутаты от Томской губернии в истории российского парламентаризма // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 171–175.
- (4) Циунчук Р.А. Государственная Дума Российской империи: Этноконфессиональное и региональное измерения: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Казань, 2004. – С. 302, 563; Она же. Роль Государственной Думы в развитии политической жизни Российской империи // 100 лет российского парламентаризма: История и современность. – Н. Новгород, 2006. – С. 189–193; Она же. Думская избирательная система как фактор оформления новой этнополитической географии Российской империи // Таврические чтения – 2008. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России: Всероссийская научно-практическая конференция. – СПб., 2009. – С. 77; Тадаси К. Думское законодательство на

- чала XX в. и его значение для государственного единства Российской империи // Acta slavica Iaponica. – 2005. – Т. 22. – Р. 94.
- (5) *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. – Пермь, 2006. – С. 131–143.
 - (6) Там же. – С. 144–181.
 - (7) Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. – СПб., 1912. – Ч. 1: Общие сведения. – С. 12.
 - (8) Русь. –1907. 18 декабря. – № 339.
 - (9) *Пиленко А.А.* Работа оппозиционных депутатов // Московский еженедельник. – 1909. 6 февраля. – № 6. – Стб. 17–18. Конечно, далеко не все депутаты были подготовлены к публичным выступлениям. 21 марта 1907 г. Ф.А. Головин писал А.В. Скурдиной: «Выступления левых... [Ф.А.] Щербины и [М.Г.] Зайцева, были просто жалки. стыдно левым, что они выпускают таких ораторов. Это не ораторы, а какие-то свинопасы. Политически неграмотные, не обладающие даром слова, вернее: даже не умеющие двух слов толком сказать, – просто какие-то убогие!» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 183. – Л. 49). Впрочем, и некоторые левые весьма критически оценивали ораторские таланты своих однопартийцев. Так, член фракции социал-демократов писал 19 марта 1907 г.: «Истинное удовольствие испытал, слушая речи Маклакова, Тесленко и Кузьмина-Караваева. Они лучше нас, и мы годимся им в ученики... Нельзя скрывать, что крайняя левая Думы представляет из себя “изнанку”: ни одного человека науки, ни одного талантливого оратора» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 183. – Л. 36).
 - (10) Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва... – Ч. 1: Общие сведения. – С. 12.
 - (11) *Мансьев С.П.* Мои воспоминания о Государственной Думе // Историк и Современник: Историко-литературный сборник. – Берлин, 1922. – Кн. II. – С. 14.
 - (12) Там же. – С. 20.
 - (13) Там же. – С. 22.
 - (14) Там же. – С. 23.
 - (15) Там же. – С. 24.
 - (16) Там же. – С. 25.
 - (17) Там же. – С. 26.
 - (18) Там же. – С. 27.
 - (19) *Шидловский С.И.* Воспоминания: В 2 т. – Берлин, 1923. – Т. 1. – С. 121.
 - (20) *Неманов Л.* Итоги сессии // Речь. –1911. 15 мая. – № 131.
 - (21) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 9.
 - (22) ОРРГБ. – Ф. 566. – К. 19. – Д. 1. – Л. 199.
 - (23) Около Думы // Русские ведомости. – 19 декабря 1908 г. – № 294. Член фракции кадетов Л.А. Велихов писал брату 23 января 1914 г.: «В Государственной Думе – кабак. 85 депутатов взяли отпуск. В комиссиях нет кворума, в общем собрании болтают вздор...» (ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 981. – Л. 88).
 - (24) Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 г. – февраль 1917 г. // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 23.
 - (25) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 988. – Л. 767.
 - (26) Донесения Л.К. Куманина... – С. 23–24.
 - (27) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 989. – Л. 823.
 - (28) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 28.
 - (29) *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. – М., 2001. – С. 69, 122.
 - (30) РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 3. – Д. 162. – Л. 49 об.

- (31) Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Историк и Современник. Историко-литературный сборник. – Берлин, 1922. – Кн. II. – С. 12.
- (32) РГАЛИ. – Ф. 1337. – Оп. 1. – Д. 84 б. – Л. 111 об.–112.
- (33) Шидловский С.И. Воспоминания... – Т. 1. – С. 129.
- (34) Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. – С. 208.
- (35) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 24.
- (36) Там же. – Д. 14. – Л. 78.
- (37) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 923. – Л. 776.
- (38) Киреев А.А. Дневник, 1905–1910 гг. – М., 2010. – С. 264.
- (39) Старая почта. – 1908. 20 февраля. – № 242.
- (40) ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 921. – Л. 599.
- (41) Шидловский С.И. Воспоминания... – Т. 1. – С. 112–113; РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 134.
- (42) РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 3. – Д. 167. – Л. 103.
- (43) Там же. – Д. 162. – Л. 15.
- (44) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 151 об.
- (45) ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 336. – Л. 16.
- (46) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 70 об.
- (47) ГА РФ. – Ф. 115. – Оп. 2. – Д. 40. – Л. 9.
- (48) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 26 об.
- (49) Там же. – Л. 28 об.
- (50) Там же. – Д. 14. – Л. 64 об.
- (51) Донесения Л.К. Куманина... – С. 17.
- (52) РГИА. – Ф. 669. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 27 об.
- (53) Там же. – Л. 38.
- (54) ГА РФ. – Ф. 102. – Оп. 265. – Д. 180. – Л. 1–2.
- (55) Там же. – Д. 921. – Л. 599.

STATE DUMA OF RUSSIAN EMPIRE: DEPUTIES' DISCIPLINE PROBLEM AND LAWMAKING

К.А. Solovyov

The Department of Modern Russian History
History and Archive Institute of the Russian State University of the Humanities
Nikolskaya Str., 15, Moscow, Russia, 109012

This article is about a deputy's discipline problem at the time of the State Duma of Russian Empire. K.A. Solovyov researches the level of the deputy's involvement in the lawmaking process, the deputy's absence in the plenary and commission meetings of the Lower House. The author analyzes the deputy's discipline influence on the legislative activity of the State Duma. K.A. Solovyov has come to the conclusion that the deputy's absence to a certain extent determined the functioning of the representative institution.

Key words: State Duma, commissions of Duma, deputies, deputy's discipline.